

ПОЭЗИЯ, ОДОЛЕВШАЯ СМЕРТЬ

«**О**ставь надежду всяк сюда входящий!» — эта надпись с врат Дантова ада помещена над главным входом концлагеря Дахау. Но и высеченная фашистами на камне, она лгала. Гигантские механизированные фабрики смерти, предназначенные вандалами XX века для массового уничтожения и обесценения человека, были очагами, где, преодолевая непреодолимое, жила человеческая надежда.

Отмечая 20-летие Победы над фашистской Германией, французский журнал «Ла Нувелль Критик»¹ посвятил целый номер одной теме — «литература и искусство о концлагерях». Среди помещенных в номере статей, очерков, новелл, бесед с очевидцами с особым волнением читается обзор, посвященный поэзии, шагнувшей в мир из самого концентрационного фашистского ада. Автор обзора — француз Анри Пузоль, бывший заключенный Сраниенбурга и Дахау.

«В свое время — вскоре после войны — было написано немало книг, создано немало фильмов о концлагерях, — пишет А. Пузоль. — Я читал книги, смотрел фильмы, в том числе и созданные самими наци. Довелось мне видеть, как другие люди — читатели, зрители — проникались безмолвным ужасом или, потрясенные, восклицали: «Как могло произойти такое в нашем цивилизованном XX веке?!» Но так как обычно на страницах книг или на экране представляли лишь какие-то уродливые, покрытые гнойными язвами, отталкивающие паукообразные насекомые, то к ним испытывали в лучшем случае жалость, да и то немногие. И никто не вспоминал, что перед ними люди — мужчины и женщины, такие же, как и те, кто смотрел фильм или читал книгу. Сознывая это, я считал своим долгом, ощущал настоятельную необходимость высказать мысль, зреющую у меня на протяжении восемнадцати лет: «Всмотритесь! Эти ужасные насекомые, эти отвратительные существа были людьми, которые бо-

¹ «La Nouvelle Critique», 1965, № 167.

ролись, сопротивлялись врагу до конца и наперекор всему стойко хранили человеческое достоинство! И лучшее тому доказательство — что они в условиях, одно созерцание которых приводит вас в ужас, были способны создавать поэзию. Вот почему сегодня я и хочу говорить об этой поэзии, рождавшейся в концлагерях. Ибо полагать, что фашисты содержали в своих лагерях смерти какие-то неполноценные существа, значит считать, что наци были правы, уничтожая миллионы, значит быть сегодня причастным к человеконенавистнической гитлеровской идеологии, смысл которой заключен в том, чтобы не только физически уничтожить миллионы, но и лишить миллионы имени Человека».

И это свое гуманистическое, антифашистское кредо Анри Пузоль страстно, горячо и мудро отстаивает на протяжении всего обзора.

«Прежде чем мне пройти теперь снова вместе с вами шаг за шагом мученическую дорогу узника от сортировочных тюрем Франции, предварительных камер Бельгии, Голландии, Греции, лагерей на территории России или Польши до фабрик смерти в Германии, а там — через западни смерти, насилия и побои, голод, непосильный труд... всю эту страшную дорогу, которая лишь немногих вывела к свободе,— пишет А. Пузоль,— я должен оговорить, что большинство тех, чьи стихи вы сейчас здесь прочтете, не были в мирной жизни поэтами. Они ощутили в себе потребность создавать поэзию перед лицом унижений, страдания и смерти».

Пока обреченный еще находился на родине, видел сквозь решетку то же небо, что и его близкие, топтал ту же землю, что и они, он еще чувствовал себя причастным ко всему живому. Стихи слагались о родной земле, ставшей вдруг такой неприятной и жестокой, о муках... Но вот после длившегося десятки и сотни часов переезда в наглухо запертом товарном вагоне заключенный оказывался на платформе Дахау, Веймара, Ораниенбурга. Тащился в колонне таких же, как он, несчастных... Наконец, концлагерь с его предварительными гнусными формальностями, «карантином». Град ударов эсэсовских дубинок. Нескончаемые переключки на лагерной площади на фоне вечно дымящейся печи крематория... Поэзия спасала от безумия:

Под скрип черных вышек, затаивших смерть,
Пляшет с воем буря вокруг холмов Веймара.
А десять тысяч статуй застыли, окоченев,
Живые в неподвижности ледяного кошмара...

Строки эти взяты из стихотворения «Переключка», написанного немцем Францем Хаккелем, узником Бухенвальда. В том же лагере родились стихи «Крематорий» бельгийца Рене Сальма, «Смерть» француза Ива Дарье, «Вот человек» его соотечественника Поля Гойяра:

Это холод обратил кости в камень,
Это голод вдавил грудь и обрисовал ребра,
Это болезнь уложила в изнеможении,
Это износила работа и доконали удары.
Словно в кошмаре переплелись конечности,
Столкнулись черепа в последнем единении
Перед жарким огнем, ведущим в вечность.
И вот уж он — человек:
Горсть пепла, поднявшегося с дымом к небу.

Первые недели, первые месяцы в лагере — время массовых убийств. Заключенный, внезапно перенесенный в ад, где торжествует смерть, только и в состоянии, что предоставить все на волю случая. «Однако именно этот первый период и был возрождением нашего растерявшегося разума», — пишет А. Пузоль.

Среди причудливых трагических видений
Казненные смеются, комедию играя... —

читаем мы в стихотворении узника Бухенвальда Ж.-М. Теоллейра.

А ведь было им — смертникам, ставшим поэтами, — едва двадцать. Они были молоды... Вот эта «Песня мира», например, была найдена в постели погибшего в Бухенвальде русского юноши Корочки его французским другом Андре Верде:

Был лес рядом с домом,
В лесу куковала кукушка.
Повторяла она каждый вечер,
Провожая меня из школы:
«Жизнь прекрасна, Антон,
Сумей лишь отыскать и схватить в ней то диво,
Что слышится всем, но не каждому в руки дается».
Я нашел это дивное диво —
Жизнь счастливую на родной земле...

Но в мирный наш лес нагрянули варвары.
И вот я гнию у них заживо,
Слушая голос кукушки по ту сторону жизни.

«Как возможно связать воедино эти стихи, которые слагала юность, приговоренная к смерти, — восклицает А. Пузоль, — и опыты эсэсовского профессора Гебхарта, которому морских свинок заменяли люди». Польская девушка Гражинка Кростовска написала за три дня до расстрела свое «Последнее стихотворение»:

В небе севера кружат по весне ветры,
Плывут с запада мрачные низкие облака.
Ох, какая тоска на сердце,
По родине по милой тоска.

«В черном аду, где нет места разуму, где тело нынче еще лишь чудом не вовлечено в траекторию, прочерчиваемую смертью, в человеке рождалось новое существо, — пишет А. Пузоль. — С абсолютно новыми жизненными концепциями, небывалыми правилами бытия, невысказанной философией, у которой нет ничего общего с той, что действует в обычном реальном мире. В постоянной борьбе со смертью перед внутренним взором узника постепенно упорядочивается, проясняется крошечный хаос первых дней лагеря, когда человек чувствовал себя совершенно беззащитным и бессильным. Теперь заключенный уже сознательно вооружается оружием смерти против смерти. И то, что вначале было лишь случайной уловкой, становится опытом, пронизательностью. Ненасытности смерти и палачей люди противопоставляют ожесточение бесстрашия, невозможному — терпение, стойкость и даже уверенность... Измученный, но живой, избитый, но стоящий на ногах, заключенный вступает на путь, ведущий его к освобождению. Он отныне владеет всеми своими возможностями, которые оказался не в силах отнять у человека механизированный, изоциренный фа-

шистский ад... Наперекор неистовству убийц узник становился все более твердым и непреклонным, все более Человеком. Роли переменились. Человек, для уничтожения которого гитлеровцам понадобилось создать фабрики смерти, явил себя неожиданно именно в грязном, замученном, тифозном, ползающем, избитом, лишенном всего человеческого существе. И оказалось — Человека нет и никогда не было в той пышущей здоровьем и играющей налитыми мускулами плоти, которая зовется эсэсовцем, выдрессированным для убийства».

Нельзя разрушить неразрушимое, горячо утверждает автор обзора, нельзя убить Человека в человеке. В этой борьбе человека с бесчеловечностью и зарождалась жизненная потребность в поэзии. Ее источником в концлагерях был тот свет, о котором рассказал Поль Элюар в предисловии к посмертному изданию стихов бельгийского поэта Рене Бликера, погибшего на Балтике при эвакуации лагеря Нейенгам: «...впереди ему сиял свет, который теперь, после его смерти, дойдет до нас подобно сиянию погасшей звезды, но много скорее. Этот свет является единственным земным светом. Его пламя разгорается ярче, сильнее, становится больше и выше по мере того, как люди идут вперед через ночь. И ночь эта, мрачная и глухая, рассеивается под его лучами, ибо люди знают, что свет разгорается внутри их самих каждый раз, когда они принимают страдание, как битву, противопоставляя законам мрака законы света, законы человечности».

Выжить в концлагере означало бороться беспрерывно, неуклонно, не только ради себя, но и ради товарищей, коллектива. Предвидеть облавы, изыскивать дополнительные источники пищи. Научиться закрывать при побоях наиболее уязвимые места. Уметь затрачивать минимум усилий, беречь энергию и силы — медленно шагать, медленно работать, пока охранник отвернулся. Тормозить выполнение приказаний, симулируя при этом услужливость и рвение... Много выработано было правил такого рода. Но главное состояло в том, чтобы никогда не выказывать себя слабее смерти, не показывать, что боишься ее.

ПОХОРОННОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Скелет, скелет, куда это ты идешь, что ты делаешь?
Что вдруг разгуливаешь, смешно цепляя ногой за ногу?
Смотри-ка, приосанился, старается скрыть, что мускулы
его давно сгнили...

Да куда там, ковыляя, едва удерживает равновесие,
Раскинув кости-руки, словно балансир.

Как?.. Ты еще и смеешься? Как?.. Ты, мертвый?

Просто выжить узнику было недостаточно. Он хотел жить. Вот почему жажда красоты, жажда знания, тяга к поэзии в концлагерях не только не умерли, они небывало выросли. Как дорожили здесь книгой, такой редкой...

«Каждый день можно было видеть людей разных национальностей, собравшихся в тесный круг, и один читал им вслух стихи,— пишет А. Пузоль.— Среди слушавших много ли было таких, кто в прошлой своей жизни интересовался поэзией? Немного, я в этом уверен... Духовный голод был тесно связан с потребностью и необходимостью выжить, выстоять несмотря ни на что».

Поэт в концентрационном лагере был прежде всего певцом братства, не имеющего ни узконациональных, ни религиозных барьеров, человеческого братства в самом глубоком и полном смысле слова.

НАДЕЖДА

Ты пришел ко мне однажды вечером,
Когда неистовый голод кричал
В блуждающем взоре моем и дрожащих руках.
Ты подошел и просто сказал: «Товарищ» —
Удивительным, проникающим в самое сердце голосом.

И огонь нашей общей надежды
Развевал глухую, непроглядную ночь.

А когда я в тот вечер глянул в глаза твои,
То прочел в них веру всех, кто хочет жить,
И мне хватило ее на долгие тяжкие дни...
Теперь нас навеки сковала борьба.

Нередко в стихах узников воплощалось предчувствие близкого трагического конца. Но не раз случалось, что стихотворение становилось для заключенного настоящим оружием борьбы, как, например, «Надпись», выцарапанная на стене карцера в Бухенвальде:

Запертый здесь узник горячо надеялся...
Мне угрожали смертью, но я говорил себе:
«Твои камни, тюрьма, не вечно будут угнетать меня.
Буря разрушит стены, и руины твои
Встанут памятным обелиском свободе».

Живя надеждой, люди думали прежде всего о том, что испытание, выпавшее им на долю, должно вынести с мужеством, не утратив достоинства, любви к человеку, веры в него и свободу... Вот как говорит об этом бухенвальдское стихотворение Клода Бурде:

СВОБОДА

...Шелли еще стоит у борта над темной бездной
Вызовом угнетателям и приветствием жертвам.
Исполинский рокот Гёльдерлина доносится до берегов,
Где некогда Байрон отдал жизнь за свободу.
Старый упрямец Гюго по-прежнему с гневом рвет цепи свои.
Пламенные, гордые голоса всех борцов за волю
Слышны сквозь толщу годов...
И сердца узников еще грезят надеждой,
Потому что они произносят слово «Свобода».

И от самого начала и до конца, до вести о победе, поэзия в концлагерях была носительницей мечты. Мечты о побеге, о пище, о встрече с близкими, с родиной. «Мечтать в лагере,— говорит А. Пузоль,— значило иметь свободный

разум, способный не замечать ужасов уродливой жизни и даже не чувствовать насилия и страданий».

Поэт Жан Кайроль в отрывке из книги «Стихи узника» — «Побег в мечту» — пишет: «В той жизни, что выпала нам, оставалось жить лишь галлюцинациями... В черный кошмар действительности вносили одну реальность — сверкающую реальность нашей мечты». Вот какое стихотворение было обнаружено в кармане куртки умершего в рабочей команде в Сербии венгра Миклоша Радноти:

Мечта-спасительница, лишь ты избавляешь от страданий избитое
тело.

Лагерь замирает. Каждый, вернувшись к нарам своим,
Засыпает с тяжелым храпом. И чудо...
Вот уж израненные, в лохмотьях, узники,
Оторвавшись от мрачных снов Сербии,
Летят к родной стране...

Только по этим стихам и удалось опознать Радноти, покоившегося среди других жертв на дне общего рва.

Поэт Робер Деснос вышел живым из лагеря смерти. Но умер в газовой камере Биркенау близ Освенцима Бенжамен Фондан. Погиб, замученный в лагере, Пьер Уник. Умер в госпитале Дранси Макс Жакоб, заклеянный желтой звездой... Убитые фашистами поэты. Их тысячи. И это им посвятил Деснос свою «Эпитафию»:

Я живу сегодня, как буду жить и через тысячи лет.
Я мертв. Я жил затравленный, но непокоренный.
В пору, когда был посажен в тюрьмы весь человечества цвет.
Но среди занумерованных рабов я остался свободным.
Да, я жил в те страшные времена...

Живые, что делаете вы теперь для судьбы мира?
Помните ли о годах, когда я боролся и умирал?
Отдаете ли труд и силы свои для общей жатвы будущего?
Украшаете ли тот город, где я некогда жил?

Прав А. Пузоль, когда называет поэзию, создававшуюся в фашистских концлагерях, «поэзией величия и неизменности человека, который никогда не был более велик и человечен, чем оказавшись в самых страшных условиях унижения и массового уничтожения». Но это еще и поэзия-свидетель, поэзия-памятник, поэзия-боец, ни на час не складывавший оружия и не отступавший от борьбы за будущее, за человека, во имя которого она и появилась на свет в самом логове смерти. Эта поэзия невиданного мужества и высокого гуманизма и сегодня поднимает свой голос в защиту мира.

Э. ПОПОВА

К ВОПРОСУ О «ПЕРЕОЦЕНКЕ КИПЛИНГА»

Сто лет назад в Бомбее родился Джозеф-Редьярд Киплинг. Ему не исполнилось еще и тридцати пяти лет, а его писательская слава уже достигла полного расцвета. По свидетельству английских критиков, молодого